

ПОЛЕ НАШЕЙ СУДЬБЫ

Александр Гулин

С Богом, верой и штыком

Ф.Н.Глинка

На этом поле всегда дышится по-особому. Стоит лишь выйти с подмосковной электрички или из автобуса, который вез тебя от древнего города Можайска, — и ты вдохнешь этот удивительный воздух — воздух Бородина; и чаще бьется сердце — ты волнуешься, сам не до конца понимая причину своего волнения. Странное чувство. Его не объяснить только памятью потомков о делах предков; тем более не зависит оно от тех десятков (пусть и прекрасных!) памятников, что возвышаются на холмах и далеко видны среди осенних перелесков. Может ли русский человек рассказать, что он переживает в момент посещения храма? А Бородинское поле сродни огромному храму, ибо 26 августа 1812 года здесь произошло одно из самых главных и торжественных событий за всю историю нашей земли. Событие,

ставшее для тысяч соотечественников мостом от жизни земной к жизни небесной, приоткрывшее тайну нашего исторического пути, осветившее светом истины все, что было с миром до и после него.

Очевидцы, участники Бородинского сражения — все сходились на том, что ничего подобного им видеть не приходилось, а ведь почти каждый из них понюхал порошу не в одном десятке боев! «Я могу сказать только одно, — писал известный поэт и публицист Федор Глинка, — битва Бородинская не должна идти в разряд ни с какою другою». «Подобной битвы, — вторит ему известный военачальник, генерал Н.Н.Муравьев (Карский), — может быть, нет другого примера в летописях всего света». О том же свидетельствует офицер Великой армии капитан Франсуа: «Я участвовал не в одной кампании, но

Бруствер левой (южной) флеша Багратиона

Вид с Владимирского собора на французскую позицию

никогда еще не участвовал в таком кровопролитном деле и с такими выносливыми солдатами, как русские». Те, кто был под огнем на высотах у деревни Семеновское, на флешах Багратиона или вблизи Курганной высоты (батареи Раевского), запомнили примерно одно и то же. «О дне сем, — пишет участник сражения М.М.Евреинов, — можно только сказать, что он представлял какой-то смешанный хаос; кроме дыма, все затемнявшего, шума от командования и стога раненых, при непрерывавших ударах, трудно было что-нибудь понять». Сам Наполеон, этот «гений войны», признавался на острове Святой Елены, что за всю его жизнь не было битвы страшнее, чем битва под Москвой.

Битва, сражение, баталия — ни одно из этих слов не передает истинного смысла того, что происходило у села Бородино в 1812 году. Да, конечно, было сражение. Но и нечто неизмеримо большее, чем сражение. Кажется, у мемуаристов просто не находилось слов, чтобы передать смутное, но испытанное всеми чувство прикосновения к чему-то величественному, имеющему высший смысл. Конечно, было налицо столкновение в открытом бою двух армий: русской и французской. Но прежде всего было противоборство двух духовных начал, питающих каждую из них. Именно эти начала, сопричастные одно — свету, другое — тьме, непримиримые, вечно

враждебные, арена битвы для которых и сердце человеческое, и весь мир сошлись в смертельной схватке на Бородинском поле.

В 1812 году на русскую землю пришла не просто армия неприятеля — хлынули силы хаоса и разлада, несущие смерть и разрушение, гибель всему, чем богата живая человеческая жизнь: началам любви, сострадания, добра. Перед их натиском не устояла Западная Европа; власть Наполеона, как туман, как морок, поглотила страну за страной. В той легкости, с какой «маленький корсиканец» совершал свои «воинственные чудеса», легко прочитывался большой мистический смысл. Все было не подлинным — ложным в новой реальности, которую несли с собой его полки: самозванный император, самозванцы короли, герцоги, князья, лукавые понятия о чести, величии, славе, о смысле и ценностях человеческого бытия. Империя, возникшая из крови и тьмы Французской революции, представляла собой какую-то огромную, стремившуюся воплотиться в жизнь иллюзию, до времени торжествующий обман, подлог. «Когда же окончится тысяча лет, — сказано в Откровении Иоанна Богослова, книге об исторических судьбах мира, — сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число же их, как песок морской». События в Европе конца

XVIII — начала XIX века, если отрешиться от их поверхностного смысла и увидеть духовную сущность, были предупреждением, одним из ясных воплощений этого библейского пророчества.

Совсем не сказкой предстают на Бородинском поле предания древности о делах русских богатырей, сражавшихся со Змеем Тугариным, Соловьем-разбойником и другими порождениями тьмы ночной. Вражеская сила в 1812 году была страшна и огромна. «Против чрезвычайного, — писал современник, — надобно найти средства чрезвычайные, крайность крайности противопоставить должно. Стезями неведомыми, средствами несслыханными надо сражаться против того, что невидано, несслыхано». Аустерлицкое, 1805 года, сражение показало, что врага не одолеть, действуя по его же образу и подобию. С поистине дьявольским вдохновением Наполеон обольстил наших вождей соблазном легкой над ним победы, заманил в ловушку, смешал, рассеял прекрасные, боеспособные полки. Зимний день Аустерлица запомнил русским, как день тумана и помрачения. «Я не описал Аустерлицкого сражения с большою подробностью, — говорит известный генерал А.П.Ермолов, — ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям. Случалось мне слы-

шать рассуждения о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия». Битвы 1806 — 1807 годов тоже не принесли русским победы. Казалось, им не хватает какого-то главного источника, из которого черпались бы и ясность видения, и силы для победы над бесстрашным врагом.

Таким источником могла стать только сама русская земля, ее прекрасный и древний уклад: неомраченная вера, строгая православная государственность, утверждение истины, добра в больших и малых делах — жизнеутверждение. Была неумолимая логика в том, что Наполеон, его армия «двунадесяти языков» стремились испытать на прочность этот последний камень преткновения, в том, как они, уже зайдя в глубь России, словно вопреки здравому смыслу, продолжали искать генерального сражения. Здесь находилась и конечная цель, и тайный смысл всех наполеоновских завоеваний. «И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный», — говорит святой Апостол о будущей последней брани. У села Бородина, в 120 километрах от Москвы, совершались события мировые, рещался, по существу, вопрос: чья власть возобладает над миром? Божеская или власть врага человеческого?

Русские люди шли на Бородинскую битву, глубоко в душе понимая свое высокое

предназначение. Ждали ее, как ждут наступления праздника: надевали чистые рубахи, исповедовались. Это и в самом деле был праздник — не карнавал, не фейерверк, а строгий и торжественный праздник обретения Родины, приобщения к ее исторической судьбе. Само отношение к смерти стало иным, чем это бывает в обыкновенной жизни. Возможная гибель в бою представлялась не исчезновением, а только богатным переходом в лучший из миров. «Удивительно, — писал из армии Ф.Н. Глинка, — как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах она ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб — ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель». Артиллерийский офицер Н.Любенков говорил, что в минуты Бородинского боя «собственная жизнь сделалась бременем, тот радовался, кто ее сбрасывал — он погибал за Государя, за Россию, за родных». Накануне сражения по войскам носили Чудотворную икону Смоленской Божьей Матери, вывезенную из города, оставленного неприятелю. Был общий молебен. «С каким умилением, — рассказывает Любенков, — наблюдал я действие священного обряда на души воинов; страшные врагу усачи наши склонялись к земле и благоговейно спрашивали благода-

ти у Творца. Самое это благословение укрепило всех теплой верой... Молитва для русского есть уже половина победы».

Ждали праздника и французы. Готовились к одному из тех боев, которых уже десятки были на их памяти, — с огромными трофеями, тысячами пленных. Грезили о том, как наступающий день станет «днем новой славы». Всю ночь накануне сражения в стане Наполеона у ярко горевших костров слышались музыка, пение, крики. Только сам полководец, будто предчувствуя что-то, не мог уснуть, был возбужден и встревожен. Но, выехав рано утром на поле, увидев встающее солнце, воскликнул с прежним энтузиазмом: «Вот оно, солнце Аустерлица!»

Бородинскую битву описывали сотни историков, и все они оказывались в трудном положении. Тут нельзя было найти ни тщательно разработанного плана (хотя бы у одной из сторон), ни военных хитростей, ни блестящих тактических новаций — всего, чем так знаменит Аустерлиц. Предельно простой и откровенный смысл сражения (сгущение тьмы и ответное сияние света) явил себя в таком же простом и откровенном образе действий. «Механизм этой битвы, — говорил Ф.Глинка, — был самый простой. Наполеон нападал, мы отражали. Нападение, отражение; нападение, опять отражение — вот и все! Со стороны францу-

Памятники на Утицком кургане

зов — порыв и сила; со стороны русских — стойкость и мужество». Сражались с предельным ожесточением, до полного изнеможения, падая от усталости и снова поднимаясь. «Под Бородином, — вспоминал один из старых солдат, — мы сошлись и стали колотья. Колемя час, колемя два... устали, руки опустились! И мы, и французы друг друга не трогаем, ходим, как бараны! Которая-нибудь сторона отдохнет и ну опять колотья! Колемя, колемя, колемя! Часа, почитай, три на одном месте кололись!»

Есть старинный, веками опробованный, самый трудный и самый действенный — русский способ борьбы с обступающей тебя нечистью, с превосходящими силами зла. Нужно стоять на месте и не поддаваться их натиску. Так было на Куликовом поле и много позднее в битве под Сталинградом. Так было и при Бородине. Еще в первый месяц войны 1812 года генерал А.И.Остерман-Толстой на вопрос одного из подчиненных: «Что делать, войска несут слишком большие потери?» — коротко отвечал: «Стоять и умирать!». Бородинская битва, как в древности, оказалась для русских именно *великим стоянием*. Это хорошо понял Л.Н.Толстой, нарисовавший в «Войне и мире» картину не столько сражения, сколько стояния. В романе встречается образ удивительной силы: полк князя Андрея Болконского просто стоит под огнем, теряя половину людей, не делая ни одного выстрела, но и не сходя с места.

Слепой агрессивный напор, с которым французы весь день атаквали своего противника, мог сломить не один десяток сильнейших армий. Специалисты по военной истории насчитывают 8 атак против флешей Багратиона; 3 атаки, произведенные на батарею Раевского, не считая других, происходивших по всему фронту. Но русские стояли, отдавая свои позиции только тогда, когда их уже некому было удерживать. Префект наполеоновского двора де Боссе (он объезжал вместе с императором поле только что отгремевшей битвы) вспоминает: «Целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на шаг». Офицер французской армии Эжен Лабом оказался на Курганной высоте в тот момент, когда она была, наконец, захвачена. «Внутренность редута была ужасна; трупы были навалены друг на друга, и среди них было много раненых, криков которых не было слышно; всевозможное оружие было разбросано на земле; все амбразуры разрушенных наполовину брустверов были снесены... Я заметил среди этого беспорядка труп русского артиллериста, у которого было три

ордена в петлице: казалось, что храбрец еще дышит; в одной руке он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил».

Воодушевление в русских рядах было невиданное. «Все испытано в сей день, до чего может возвыситься достоинство человека, — говорил А.П.Ермолов, — любовь к Отечеству, преданность к Государю никогда не имели достойнейших жертв». Когда наступил вечер, русские, отойдя на новый рубеж, продолжали стоять, по-прежнему не считая себя побежденными. «Не только мое частное, неопытное впечатление, — вспоминал князь П.А.Вяземский, находившийся на поле в качестве наблюдателя, — но и общее мнение было, что Бородинское сражение нами не проиграно. Все еще были в таком восторженном настроении духа, все были такими живыми свидетелями отчаянной храбрости наших войск, что мысль о неудаче или даже полуудаче не могла никому приходиться в голову».

Лишь после боя французы начали если не понимать, то смутно чувствовать истинный масштаб случившегося. «Мы захватили пленных, взяли несколько орудий, — писал генерал Рапп, — эти результаты не окупали тех потерь, которых они нам стоили». Пустота, разочарование — главное, что прочтывается в мемуарах уцелевших солдат Великой армии. Не один только граф де Сегюр задавал себе страшные вопросы: «Что значило для нас обретение какого-то поля битвы? Разве русские в такой огромной стране не найдут другого поля для битвы?» Туман рассеялся. Неодолимая, колдовская сила наполеоновских полчищ была надломлена. При свете Бородинского дня она предстала тем, чем и была в действительности: наваждением, энергией обмана. Французские солдаты поздравляли себя с победой, но они лукавили: это была бравада умирающего, вдруг осознавшего свою обреченность. Их бегство из России после пяти недель в разоренной Москве, их бесчисленная гибель в русских снегах... Всему начало — Бородино. «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное...».

На Бородинском поле всегда дышится особому и всегда особенно тихо. Может быть, в этой тишине различим полет Божьих ангелов над землей? Может быть, души тех, кто погиб здесь за Родину, смотрят на тебя с небес? Одно чувство не оставляет меня: чувство уверенности в судьбах мира, потому что как бы ни ополчались в прошлом и будущем силы тьмы, что бы ни происходило на земле, все-таки предел — Бородино.